

I.

ТАИСТВЕННЫЯ ПРИКЛЮЧЕНІЯ ЕВРОПЕЙЦЕВЪ
СТО ТЫСЯЧЪ ЛѢТЪ ТОМУ НАЗАДЪ

П. ДЖУНКОВСКІЙ.

МОСКВА.
Типо-Литографія Ш. Вольфъ пресин. О. Фалко
Петровка, Рязановской стр., д. Грачева
1908.

П. Джунковский

В глубь веков

RUGRAM

Москва
2024

УДК 821.111
ББК 84(4)
Д42

Джунковский Петр

Д42 В глубь веков / Петр Джунковский. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 240 с. — (Мир русской фантастики).

ISBN 978-5-521-90765-6

Загадочный индус, в благодарность за своё спасение, дарит героям необычные зёрна. Если их съесть, то переносишься как на машине времени в прошлое.

Сотоварищи отправляются в дальние пещеры в Индии, в которые еще не ступала нога человека. Там они надеются найти много новых археологических материалов. Они пробуют зёрна, оказываются в доисторическом времени, где их ожидают интересные приключения.

BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-90765-6

© Подготовка текста,
Издатель Иванов В.Ю., 2024
© © РИПОЛ классик, оформление, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

В глубь веков

**Таинственные
приключения европейцев
сто тысяч лет тому назад**

ГЛАВА I

*Дядя Карл дает объяснение непонятному случаю,
после чего последний становится еще загадочнее*

Трехмачтовое малайское судно, местного сообщения, вот уже второй день как вышло из порта Паданга — на Суматре, направляясь в Мадрас.

В сущности, это был грузовик и несколько человек пассажиров, которые находились в настоящее время на борту «Волшебной стрелы», попали сюда совершенно случайно только потому, что не хотели ожидать отплытия большого пассажирского парохода. Их было всего пять человек: четыре европейца и один индус.

Что касается экипажа судна, то он состоял исключительно из малайцев и нужно отдать им справедливость, у них было чему поучиться лучшим матросам европейских стран. Судно содержалось в образцовом порядке, а всевозможные маневры производились на нем с удивительной быстротой и умением.

Пользуясь почти попутным пассатом, «Волшебная стрела» плавно скользила вперед, слегка накренившись почти под всеми своими парусами.

Было чудное, раннее утро. Наверху, кроме вахтенных матросов да помощника капитана, сидевшего в своей рубке, не было никого, — палуба была совершенно пустынна и двум молодым людям, расхаживавшим взад и вперед между

мачтами, казалось, будто они несутся на каком-то действительно волшебном и никем не управляемом судне.

Опершись на решетку правого борта, стоял здесь еще один из пассажиров — индус. Его стройная, немного сухощавая фигура, облаченная в пестрый национальный костюм, как-то невольно наводила юных европейцев на грустные размышления о печальной судьбе его угнетенной родины. Может быть, и сам он в эту минуту думал о чем-нибудь подобном, задумчиво глядя в беспредельную даль океана и, по-видимому, совершенно не замечая окружающих его предметов.

— Послушай, Ганс, — обратился по-немецки один из молодых людей к своему спутнику, — не находишь ли ты этого индуса удивительно странным существом? Вспомни, ведь он со вчерашнего дня, кажется, ни с кем еще не сказал ни слова. Даже дядя Карл потерпел поражение, желая завести с ним знакомство.

— Ну, дядя Карл выбрал очень плохой способ для того, чтобы сойтись с этим господином. За вчерашний день он уже успел, во-первых, два раза наступить ему на ногу, а ты, конечно, понимаешь, что это мало способствует сближению людей, — во-вторых, все послеобеденное время он по рассеянности носил его шляпу вместо своей до тех пор, пока индус не прислал за нею юнгу из кают-компаний.

— А мне дядя говорил, что в истории со шляпой виноват сам индус.

— Уверяю тебя, Бруно, что если этот бедняга и виноват в чем-нибудь, — возразил Ганс, — так разве только в том, что у него голова одинаковой величины с дядюшкиной; но ведь в этом, согласись, оба они виноваты по крайней мере

одинаково. Ну, а что касается до этого господина, — продолжал Ганс, кивком головы указывая на индуса, — то я вовсе не нахожу его странным, а думаю, что он просто болен и, так же, как и ты, совершает морскую прогулку для поправления здоровья. Вот тебе и все объяснение той таинственности, которую ты так упрямо отыскиваешь в самых обыкновенных вещах.

— А ты, Ганс, скорее готов придумать самое невероятное объяснение, которое храбро называешь — естественным, чем допустить в чем-нибудь хоть тень таинственности, — возразил Бруно с некоторой досадой.

Ганс улыбнулся, так как разговор, видимо, переходил на излюбленную тему вечных споров между молодыми людьми. В этих спорах Бруно всегда доказывал своему брату, что в природе есть много таинственного и недоступного человеческому разумению, — Ганс же, наоборот, утверждал, что все, не исследованное еще наукой, вовсе не таинственно, а просто непонятно.

Из этого читатель видит, что оба спорили скорее о словах, чем о сущности, а потому и споры их тянулись обыкновенно по целым месяцам без всяких видимых результатов.

В настоящую минуту оба готовы были пуститься в один из таких бесконечных диспутов, как вдруг этому помешало совершенно неожиданное обстоятельство.

В тот момент, когда оба молодых человека повернулись спиной к невинному предмету их разговора, Бруно, как-то случайно обернувшись назад, с удивлением заметил, что позади индуса, очевидно, не замеченный этим последним, неизвестно откуда появился дядя Карл. К ужасу Бруно, он быстро наклонился, обхватил индуса у пояса и приподнял

над решеткой борта. Пораженный молодой человек, желая помешать несчастью, бросился к дяде Карлу. Однако было уже поздно, — злополучный индус исчез за бортом судна в ту самую минуту, когда Бруно уже коснулся рукой плеча дяди. Но тут произошло нечто еще более странное. Почувствовав чье-то прикосновение, дядя вдруг обернулся и нанес Бруно столь сильный удар в грудь, что молодой человек, совершенно не приготовленный к чему-либо подобному, повалился на палубу и на минуту потерял сознание.

— Человек за бортом! — как-то нараспев, но совершенно спокойно прокричал со своей вышки матрос-малаец, услышавший падение в воду одного из бывших на палубе...

— Другой за бортом, — продолжал он тем же безучастным тоном, когда вслед за индусом бросился в воду и дядя Карл.

Здесь нужно сказать, что как раз в это время обернулся назад и Ганс. Он видел падение Бруно, но не заметил полученного им удара и думал, что брат, вероятно, поскользнулся; видя прыжок дяди Карла, он полагал, что тот бросился на помощь индусу, случайно упавшему в воду.

Окрик вахтенного недолго оставался без ответа. Послышались тревожные свистки боцмана, какая-то команда помощника капитана, топот ног бегущих матросов, и судно вдруг точно ожило. Это вывело и Ганса из недоумения, в котором он находился.

Будучи истым спортсменом, он достиг совершенства во всевозможных физических упражнениях, а потому теперь, сбросив с себя верхнюю одежду, шляпу и башмаки, Ганс, недолго думая, кинулся за борт, что и не преминул отметить вахтенный новым бесстрастным окриком.